

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863-1864 гг. В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

THE REFLECTION OF THE 1863-1864's POLISH REBELLION IN RUSSIAN CONSERVATIVE PERIODICAL PRESS

A. Kharitonova–Novykh

Annotation

The article examines the attitude of the conservative Russian press to the Polish rebellion that occurred in 1863. The author analyzes the differences in the positions of the main Russian conservative publicists about the causes of the rebellion and the methods that could prevent the subsequent unrest. The reasons of the changings in the attitude of Russian society to the Polish national liberation movement after 1861 are also examined in the article. The author makes a conclusion that Polish and Russian nationalist sentiments have the same basis. The role of public opinion in the suppression of the Polish rebellion is underlined in the article.

Keywords: Polish rebellion in 1863, a reflection of the 1863's Polish rebellion in conservative periodical press, slavophiles, pochvenniki, messianism, civil society position.

*Харитонова–Новых Анна Владимировна
Аспирант, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье рассмотрено отношение русской консервативной печати к польскому восстанию 1863 г. Автор анализирует отличия в позиции главных русских консервативных публицистов относительно причин восстания в Царстве Польском и методов предотвращения последующих волнений. Исследуются причины изменения отношения русского общества к польскому национально-освободительному движению после 1861 г. Делается вывод о едином основании националистических настроений польских и русских патриотов. Подчеркивается роль общественного мнения в подавлении польского восстания 1863 г.

Ключевые слова:

Польское восстание 1863 г., отражение польского восстания 1863 г. в консервативной публицистике, славянофилы, почвенники, мессианизм, гражданская позиция общества.

Тема национального самоопределения в таком полиэтническом государстве как Россия была одной из доминирующих в общественно-политическом сознании русского общества в XIX веке. В начале 60-х годов XIX века острую полемику в обществе вызвал "польский вопрос".

С 1861 г. в Польше начало разрастаться движение за независимость. Польское дворянство требовало восстановления конституции, дарованной Александром I, полной независимости и присоединения к Царству Польскому территорий Речи Посполитой до Днепра и Западной Двины. В 1862 г. наместника Царства Польского, великого князя Константина Николаевича, было совершено покушение. В ответ правительство решило применить меру, с помощью которой оно надеялось убрать из города радикально настроенные элементы и предупредить восстание – был объявлен именной рекрутский набор, ограниченный городским населением и сельскими жителями, не занятыми в хлебопашестве. Это вызвало крайнее возмущение в обществе и в 1863 г. польский революционный комитет призвал всех граждан к оружию.

Благодаря проведенной Александром II реформе печати, польское восстание 1862–1863 гг. широко освещалось в русских газетах и журналах, в отличие от восстания 1830–1831 гг. Русское общество в своем большинстве осудило восставших и встало на сторону правительства. Позиция русского общества в отношении восстания 1862–1863 гг. показала неадекватность проводимой Николаем I политики в отношении печати, которая лишила его возможности опереться на общественное мнение во время подавления восстания 1830-х гг.

Н. И. Кареев в книге "Падение Польши" цитирует одну из статей "Вестника Европы" от 1880 г., в которой анализируется отражение событий польского восстания 1830 г. в русской печати: "... долгое время польский вопрос был "совсем недоступен для суждения публицистического. В журналах того времени напрасно было бы искать такого суждения о польском вопросе; политические сюжеты были вообще недоступны для тогдашней литературы" [1]. Он приводит слова А. Н. Пыпина, сказанные им в одной из статей по польскому вопросу: "В литературе нашей польский вопрос появляется очень недавно, т.е. как предмет о котором могут быть два разных мнения. Старая точка

зрения была немногосложна: она указывалась действиями правительства" [1].

Как пишет Н. И. Кареев, "польские и иностранные писатели всегда отождествляли Польшу, как народ, с Польшей как государством и главной идеей русских публицистов сделалось разъединить эти два понятия" [1]. Польские разделы 1772, 1793 и 1795 гг. воспринимались в русском обществе как освобождение русского населения от польской власти. Научную основу этих взглядов представляли труды по истории и этнографии юга и севера-запада России, согласно которым большую часть населения присоединенных земель составляли русские. Согласно этим представлениям политика Екатерины II в отношении Польши была завершением исторического процесса собирания русских земель. Как пишет Кареев, "большинство наших публицистов обсуждает поведение России в польских вопросах с нравственной точки зрения. Кроме соображения, общего и многим иностранным писателям, что Польша сама себя погубила, главный довод в пользу России тот, что она возвращала себе древние русские области: она имела на них право, и вопрос был только в способе возвращения" [1].

Стремление стран Западной Европы выступить посредниками между Польшей и Российской империей воспринималось в обществе как попытка оказать давление на внутреннюю политику страны. Открытость обсуждения политики империи положила начало формированию гражданской позиции русского общества, которое осознало всю важность государственных интересов страны.

Подъем патриотических настроений в 60-е годы XIX века, уничтожив репутацию А. И. Герцена, выступившего с критикой действий правительства по подавлению восстания, способствовал небывалому росту популярности публицистики М. Н. Каткова. Его позиция менялась по мере хода внешних событий. В марте 1863 г. в передовой статье "Московских Ведомостей" Катков признает возможность и желательность внутренней автономии Польши под покровительством русского императора под условием отказа поляков от притязаний на независимость и ликвидации отдельной польской армии.

В передовой статье № 69 "Московских Ведомостей" признается необходимость единства Царства Польского и России в финансовом, военном отношении, а так же в отношении политического устройства, но допускается некоторая автономия в области управления.

4 апреля, в № 71, выходит статья по поводу амнистии, объявленной Александром II всем восставшим полякам, которые сложат оружие до 1 мая, в которой прослеживается стремление показать, что волнения в Польше были

вызваны либеральной политикой царя. Статья заканчивалась пожеланием присоединить Польшу к России и вместе идти по пути прогресса при одинаковых правах и учреждениях и даровать Польше некоторую автономию.

В передовой статье от 9 апреля в № 75 было сказано следующее: "Русские люди не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу против поляков, но они не желали бы, чтобы по усмирении восстания у Польского края были отняты или стеснены виды на дальнейшее развитие. Не подавлять польскую народность, а призвать ее к новой общей с Россией политической жизни – вот что лежит в основе интересов России, самой Польши и целой Европы" [2].

Когда, в 1887 г., вышло собрание статей Каткова по польскому вопросу, эти места были удалены и в него вошли только те статьи или части статей, которые соответствовали позднейшим взглядам Каткова.

Отношение Каткова к "польскому вопросу" изменилось после дипломатической кампании европейских держав против России. В своих статьях он обрушился на славянофилов, предлагавших созвать сейм в Польше и даже предоставить ей полную независимость.

В статье "Что нам делать с Польшей?" опубликованной в № 3 "Русского Вестника", Катков писал: "Польский вопрос может быть решен удовлетворительным образом только посредством полного соединения Польши с Россией в государственном отношении. <...> Польский край может иметь свое местное самоуправление, быть обеспеченным во всех гражданских и религиозных интересах своих, сохранять свой язык и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно в административном отношении Польша должна быть крепкой частью России в политическом отношении. Что же касается до политического представительства, то, в соединении с Россией, Польша может иметь его не иначе, как в том духе и смысле, которые выработались историей России, а не по какому нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской истории" [2]. В этой статье Катков становится в вопросе о форме и роли государственного устройства на точку зрения критикуемых им славянофилов. Шаткость мировоззрения Каткова, чье мнение менялось в зависимости от внешних обстоятельств, была отмечена в язвительной заметке Ю. Ф. Самарина "По поводу мнения "Русского вестника" о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации".

Во второй половине 1863 г. Катков переводит "польский вопрос" в плоскость государственного суверенитета страны. По его мнению, страны Западной Европы вмешиваются во внутренние дела России, и хотят использовать Польшу как "плацдарм" против империи. Россия не

должна допускать иностранного вмешательства во внутреннюю политику империи. М. Н. Катков считает, что нужно показать Англии, поддерживавшей Польшу, что Россия готова к войне. В ежедневной газете "Московские ведомости" он призывает к созыву городских ополчений.

Катков хотел, чтобы его читатели думали, что существует связь между деятельностью революционно настроенных движений в России, в том числе и деятельностью А. И. Герцена, и "польских агитаторов". "Апостолы нового порядка вещей, заботящиеся о Польше, "о нашей и вашей свободе", были в руках у опытных польских революционеров презренными орудиями, назначенными исключительно для нанесения ран русскому народу" [10].

По мнению Каткова, восстание в Польше не было инициировано "снизу". Свободы хотела только шляхта, которая обманывала народ, распространяя в нем волнения. "Не польский народ – враг наш. Не польскую национальность поражаем мы, подавляя восстание. Мы боремся с интригой, которую затеяло властолюбие шляхты и ксендзов" [11]. В одном из ноябрьских номеров "Московских ведомостей" Катков публикует статью, в которой описывает тайный проект польского восстания, найденный при обыске у графа Замойского. По его словам, "цель проекта заключалась в том, чтобы придать народному движению преимущественно социальное направление, чтобы привлечь на свою сторону и подчинить шляхте народ, особенно на Руси, в Литве и Галиции <...> Необходимо было уверить народ, что только московское правительство "затрудняет польских панов" в даровании крестьянскому населению всех прав и свободного земельного класса" [10].

Активную роль в организации польского восстания Катков отводил католическим священникам. Польские ксендзы, по мнению публициста, "под видом религии внушают и воспитанникам, и вообще духовным детям своим безумную ненависть к России и дух революции" [12].

По мнению Каткова, перед правительством стояла не только задача как можно быстрее подавить мятеж, которую должна была решить исполнительная власть. Необходимо было навсегда разрешить "польский вопрос, то есть устранить предпосылки для последующих волнений. В одной из статей в "Московских ведомостях" он писал: "Подавление мятежа есть дело исполнительное; решение польского вопроса – дело законодательное, зависящее не от местных представителей исполнительной власти, а от центрального правительства. Подавление мятежа может быть, правда, сопряжено с политическими мерами, которые предназначены к тому, чтоб искоренить и самые семена мятежа в будущем. Но эти меры лишь прибавка к исполнению первой задачи, заключающейся в подавле-

нии мятежа существующего или очевидных признаков мятежнического волнения" [3].

Для предотвращения последующих восстаний необходимо уничтожить их предпосылки, главной из которых, по мнению Каткова, было особое положение Царства Польского. "Оставлять за Польшей какую-либо политическую особенность значило бы понапрасну питать в польской национальности несбыточные надежды на восстановление польского королевства и тем поставлять ее в враждебные отношения к России, делать ее смертельным нашим врагом, и подготовить для будущего возможность новых восстаний..." [4].

Особую позицию в отношении "польского вопроса" занял И. С. Аксаков, славянофил, издатель газет "День", "Москва", "Москвич" и "Русь". В начале 1860-х гг. он считал, что полякам необходимо предоставить полную автономию в границах Царства Польского и вывести оттуда русские войска. Но, после съезда в Городле 10 октября 1861 г., на котором была принята резолюция о восстановлении Польши в границах Речи Посполитой, то есть на территориях Ливонии и Курляндии (современные Эстония и Латвия), Литвы с городами Вильно и Гродно, центральной и юго-западной Белоруссии, Аксаков написал резкую отповедь против притязаний поляков: <...> Безумные поляки! Как спешите вы проиграть ваше дело! Как торопитесь вы затушить всякую искру сочувствия, которую могла бы зажечь в единоплеменных вам братьях ваша любовь к родине! Неужели вы так глухи, так слепы, неужели вы думаете, что в пространной Русской Земле <...> найдется хоть один русский, который бы не загорелся весь самым жгучим огнем негодования при таких лживых и наглых ваших притязаниях!" [5]. Аксаков был крайне возмущен территориальными претензиями поляков.

В отличие от М. Н. Каткова, он видел корень противоречий не в интригах польского дворянства, а в непримиримых религиозных различиях. Устранение этих противоречий, по его мнению, несомненно приведет к стабилизации ситуации и может, даже, способствовать сближению поляков и русских. "Латинская Польша не может не быть нам враждебна, но православная может нам быть родной, даже и оставаясь верной польской народности" [15]. Аксаков видит выход в политике русификации Польши, которую он отождествляет с религиозной пропагандой: "успех православной пропаганды легко порешил бы все те тяжелые, мучительные вопросы, которые представляются каждому, знакомому с этими краями" [15]. Аксаков верил в силу слова, в религиозные идеи, в отличие от Каткова, чьи взгляды отличались в большей мере прагматизмом.

По мнению Аксакова, русское правительство не должно насильно удерживать Польшу. Он надеялся, что

созыв всенародного сейма поможет разрешить польский вопрос мирным путем и поляки признают желательность свободного соединения с Россией. Надежды Аксакова подкреплялись ложным убеждением в том, что польские крестьяне были освобождены еще Наполеоном. Позднее, когда он убедился в фиктивности освобождения крестьян в Польше (сами польские крестьяне называли свое положение "птичьей свободой", так как Наполеон не дал им земли), Аксаков полагал, что прежде, чем решать вопрос об освобождении Польши, необходимо освободить крестьян с землей, на тех же основаниях, на каких они были освобождены в России. К концу 1860-х гг. Аксаков изменил свою точку зрения и отстаивал полное соединение Польши с Россией.

Главная опасность польского восстания заключалась для Аксакова в полонизме. Славянофил Ю. Ф. Самарин определял полонизм как "вооруженную пропаганду латинства в среде славянского мира" [17]. Аксаков соглашался с этим определением. Он считал, что усмирение бунтовщиков и военные меры не в силах разрешить "польский вопрос", смысл которого заключается в полонизме. Повторения мятежа возможно избежать только проведя реформы, а именно, наделить "польских крестьян землей в собственность" [16] и заменить "действие вотчинного права или патримониальной юрисдикции-крестьянским самоуправлением" [16]. В том случае, если эти реформы не будут проведены, неизбежно "повторение прежних систем управления и возвращение старого порядка столь благоприятного полонизму" [16].

Самарин, как и Катков, не признает за Польшей права на государственную самостоятельность. Однако, его взгляды на "польский вопрос" гораздо либеральнее. Самарин признает право поляков на "свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка в делах внутреннего управления и своеобразность гражданского быта" [16]. В будущем он видит два противоположных пути решения "польского вопроса". Первый заключается в "нераздельном сочетании Польши с Россиею" [16] и не предполагает каких-либо "промежуточных комбинаций" [16] (например, административной автономии). Второй путь – полное отречение России от Польши, путь, по мнению Самарина, заключающий в себе "ничего ни невозможного, ни безусловно противного интересам России" [16].

Славянофильский идеализм нашел отражение и в почвенническом журнале "Время", издаваемом М. М. и Ф. М. Достоевскими. Ф. М. Достоевский был не согласен с "катковским" видением "польского вопроса", но "разделял мнение многих что молчание – это уже демонстрация несогласия с официальными мерами" [6]. Но Н. Н. Страхов, критик издания, убедил братьев Достоевских в необходимости выразить мнение журнала и в №4 журнала

"Время" за 1863 г. вышла статья под названием "Роковой вопрос". Название статьи повторяет приведенную нами выше цитату М. Н. Каткова, в которой он называет "польский вопрос" роковым. Статья была подписана "Русский". За этой подписью скрывался Страхов. Отсутствии подписи автора говорило читателям о том, что эта статья – редакционная.

Статья написана очень расплывчатым языком. Страхов рассматривает в статье две точки зрения, с которых можно посмотреть на "польский вопрос" – точку зрения самих поляков и точку зрения стран Западной Европы.

В начале статьи Страхов рассуждает о том, что Польша все таки принадлежит западной цивилизации, в то время как Россия до сих пор, несмотря на все старания, остается для Европы варварской страной, хоть и подающей большие надежды. Поэтому, "понятно, что поляки должны смотреть на нас с высокомерием" [18]. По его мнению, территориальные претензии поляков можно понять, ведь "поляки со всею искренностью могут считать себя представителями цивилизации и в своей вековой борьбе с нами видеть прямо борьбу европейского духа с азиатским варварством" [18]. Претензии поляков выглядят обосновано и для стран Западной Европы.

Что же мы можем этому противопоставить? По мнению Страхова – это "глубокий и плодотворный дух, который хотя и не проявился еще ясно и отчетливо, но уже ревниво охраняет свою самостоятельность" [18]. Для того, чтобы этот дух развился мы должны обратиться к самобытным началам, сохранившимся в народе. Мы должны перестать равнять себя с европейскими нациями (так как в этом случае поляки будут всегда нас опережать в развитии) и обратиться к народным началам. "Польша не имеет никакого права на русские области только в том случае, если у русской земли есть своя судьба, свое далекое и важное значение" [18]. Но этих духовных сил пока не видит никто, кроме нас.

Проблему польской цивилизации Страхов видит в утери связи с народной жизнью и она "следовательно, не могла иметь той силы, которую должна иметь всякая крепкая и правильная цивилизация" [18]. Выражаясь словами Ф. М. Достоевского, Страхов видел главную проблему Польши в утери "почвы".

В своеобразной, туманной форме Страхов в статье выступает против подавления восстания силой и признает право поляков на самоопределение.

Катков воспринимает все это как поддержку польского восстания. Он обращает внимание цензурного ведомства на статью Страхова и журнал "Время" закрывают. В мае 1863 г. Катков публикует статью, в которой резко

критикует почвеннические взгляды Страхова: – "Мы все более и более убеждаемся, что все эти модные у нас теперь толки о народности, о коренных началах, о почве и т. п. не обращают мысль ни к народности, ни к коренным началам, не приводят ее к чему-нибудь дельному, а напротив, еще пуще уносят ее в туман и пустоту" [13].

Политические взгляды Каткова отличаются большей ясностью, в сравнении с воззрениями Страхова. Порой в саркастической манере отвечая на аргументы критика "Времени", Катков раскрывает свои взгляды на геополитику XIX века. "Люди, не отыскивающие почвы, а по закону тяготения естественно находящиеся на ней, очень хорошо знают, что в спорах между Россией и Европой никогда не было речи о цивилизации <...> дело шло, как известно, о Турции, которая Европа отнюдь не признает за свое детище" [13]. И далее: "Польша никогда не была и никогда не будет истинным предметом споров между нами и Европой; Польша всегда была и всегда будет, пока длится ее агония, только орудием только средством, только предлогом" [13].

В "Московских ведомостях" Каткова также была опубликована статья, подписанная "Петерсон", в которой автор высказывал свое возмущение анонимностью статьи Страхова и уподобляет редакцию "Времени" "бандитам, которые наносят удары с маской на лице" [7].

Достоевский находит необходимым опубликовать ответ. Он выражает полное согласие с Страховым. "Мы в нашей статье посягнули на то, на что бы вы и во сне не решились, на то, что серьезно и искренно уважал даже император Александр I" [7]. Достоевский считает, что автор статьи "Роковой вопрос" посягнул на гордость и славу европейской цивилизации и показал в своей статье, что она ничего не стоит. Критика статьи и ее неверное понимание, происходят от непонимания народных начал русской цивилизации, от непонимания того, что Россия идет особым путем и нет никаких оснований для сравнения ее с цивилизациями Запада.

Достоевский, в своей несколько тенденциозной манере, нападает в статье не столько на Петерсона, сколько на самого Каткова. "Вы не признаете национального развития, вы не признаете самостоятельности народных начал в русском племени и, во имя вашего англолизованного патриотизма, обижаетесь, что поляки нас образованнее, в европейском смысле, другими словами, что русские упорно хотят остаться русскими и не обратились по приказу в немцев или французов" [7].

Но цензура не пропустила ответ Достоевского. Через два дня после публикации заметки Петерсона последовало "высочайшее распоряжение" о запрещении журнала "Время" за "вредное направление".

Достоевский в письме к Тургеневу от 17 июня 1863 г. писал: "...запретили журнал за статью в высшей степени, по-нашему, патриотическую. Правда, что в статье были некоторые неловкости изложения, недомолвки, которые и подали повод ошибочно перетолковать ее <...> Но Мы понадеялись на прежнее и известное в литературе направление нашего журнала, так что думали, что статью поймут и недомолвок не примут в превратном смысле <...> Мысль статьи <...> была такая: что поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится" [8].

Не малое публицистическое значение имели статьи славяноведа А. Ф. Гильфердинга. Он был не согласен с идеями Аксакова 1863 г. и сомневался в их осуществимости. По мнению Гильфердинга, освобождение Польши повлекло бы за собой попытку захвата поляками западных губерний Российской империи. Для разрешения, или хотя бы временного устранения польского вопроса, Гильфердинг предлагал полностью освободить польских крестьян и как можно выше поднять уровень научного образования населения. Самостоятельность крестьян поможет устранить преобладание шляхты, которая поддерживала националистические настроения в обществе, а распространение научного знания устранил мистически-религиозный сепаратизм, в котором Гильфердинг видел основу "польского вопроса". В работе "Россия и славянство" он описывает появление историко-мистической теории, появившейся в польской эмиграции после восстания 1830-х гг. и разделивший славянский мир "на две враждующие противоположности, на мир добра и свободы, представительницей которого служила Польша, и на мир рабства и зла, воплощенный в России" [9]. Русские были признаны смесью финнов, татар и монголов, но только не славянами. Теорию дуализма Польши и России развивал А. Мицкевич, считавший, что "польский народ есть новый мессия, посланный для искупления всего рода человеческого, что он, как мессия <...> одолеет дух мрака, воплощенный преимущественно в России, и принесет с собой всему человечеству царство свободы и блаженства" [9]. Конечно, мессианизм развивавшийся в среде польской эмиграции в 1842–1844 гг., не мог долго удержаться, вызвав в том числе протесты католического духовенства. Мессианскую теорию государства развивали так же славянофилы и почвенники в лице Ф. М. Достоевского. В отличие от польских мессианистов, они считали русский народ избранным Богом для спасения человечества.

Для славянофилов национальные идеалы лежали в религиозных началах. Историческое и духовное призвание России – осуществить свою всемирную миссию обновления человечества на духовных основаниях право-

славия. Падение Польши славянофилы объясняли тем, что поляки отреклись от своего исторического пути, от славянского духа, приняв католичество. Схожих взглядов придерживались и польские национально настроенные мыслители. Отличие заключается в том, что по их мнению именно Польша являлась воплощением славянского духа, в то время как Россия утратила дух славянства и заключала в себе противославянскую идею. Н. И. Кареев приводит цитату польского историка И. Лелевеля: "Нынешняя Россия, за исключением областей, занятых в 1772, 1793 и 1795 годах, равно как и тех, которые захвачены были в XVII веке, областей, которые все принадлежат польской народности, есть не что иное, как Московия, страна не славянская, народности азиатской и варварской, объявленная в XVIII веке европейским государством <...> Нынешняя Россия есть наибольшая противоположность славянским идеям, в особенности идеям и верованиям польским <...> Это наименование "Россия" ничего не обозначает <...> Народность русская также мало представляет действительности. Существует народность московская, – славянская, если вы непременно этого хотите, но весьма слабая, не имеющая в себе ничего серьезного, и только внешняя, кажущаяся" [1]. Эти рассуждения удивительным образом зеркально повторяют идеи, которые артикулировали практически все русские публицисты 1860–х г. в отношении Польши.

В основе националистических настроений как поляков, так и русских лежало убеждение в превосходстве одного народа над другим. Многие русские публицисты в начале 1860–х гг. поддерживали стремление поляков к самоопределению и автономии в этнических границах Польши. Но претензии поляков на восстановление Польши в границах Речи Посполитой, а также дипломатический поход французского и английского правительства на Россию, вызванный общественным сочувствием в этих странах к движению поляков, стали причиной взрыва патриотического воодушевления и националистических настроений всех слоев русского общества. Катков в глазах большей части образованного общества стал почти спасителем отечества, в то время как "нигилисты" в лице Герцена были разгромлены и скомпрометированы в глазах даже либерально настроенных людей предполагаемой связью с польским национальным движением.

При этом, стоит отметить, что в конце 1850–х – начале 1860–х гг. сочувственное отношение к Польше проявляли не только радикально настроенные слои русского общества, но и такие русские патриоты как М. П. Погодин, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин. М. П. Погодин писал: " <...> в 1839 году я настаивал на покровительстве Польскому языку, литературе и истории; в 1854 году предлагал совершенное отделение Польши от России и возвращение политической самобытности в пределах польского языка, в 1856 году желал ей полной автономии" [19]. Самарин и

Аксаков признавали за поляками право на самоопределение, а Аксаков, как было сказано выше, даже считал, что полякам необходимо даровать полную автономию.

Но, после съезда в Городле, на котором было заявлено о территориальных претензиях поляков, отношение русского общества к польскому национально-освободительному движению резко изменилось. Патриотическое чувство русских было возмущено стремлением поляков присоединить к себе юго-западные губернии Российской империи.

У большей части русского общества не было сомнений в правомерности разделов Речи Посполитой и в исторической обоснованности принадлежности России Литвы, Белорусии и юго-западных малороссийских губерний. Например, Катков 1886 г., полемизируя с А. Н. Пыпиным, писал, что земли, на которые претендовали поляки, были исконно русскими областями, а значит мечты поляков были исторически нелепы. Польские патриоты же, несмотря на то, что число поляков среди населения этих земель было небольшим, оправдывали свои притязания на юго-западные губернии России принадлежностью населения этих областей к общей с поляками культуре.

Как мы видим, суть польского вопроса, кроме его политического аспекта, сводилась к тому, что в представлении русских и польских патриотов оба народа представляли собой два враждующих лагеря и победа одного над другим должна определить будущее славянского мира. При этом, как поляки, так и русские, считали свой народ носителем настоящего, подлинного славянства, а противоположную сторону обвиняли в искажении истинного исторического пути под влиянием различных внешних сил. Катков, которого журнал "Times" в Англии называл руководителем общественного мнения в России, в статье "Польский вопрос" даже писал, что оба государства были не просто соперниками на политической арене, но "врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца" [14]. Ни Польша, ни Россия, по его мнению, не могли существовать не только с учетом первенства одного из этих государств над другим – вопрос стоял о жизни и смерти, одно государство неминуемо должно было поглотить другое.

Отмена реакционных мер, принятых Николаем I, реформа печати, отмена крепостного права подготовили общество к формированию гражданской позиции. Первая угроза национальной целостности страны показала, что все русское общество готово встать на сторону правительства. Гражданская позиция большей части населения заключалась в защите интересов страны, и поддержке действий правительства. Те, кто пытался защитить или хотя бы оправдать поляков, были дискредитиро-

ваны в глазах общества. Наглядный пример – катастрофическое падение тиража "Колокола" А. И. Герцена после того как он встал на защиту польских патриотов. При этом, издание имело большое влияние на русское общество до событий в Польше. Разоблачения злоупотреблений чиновников, которые публиковались в "Колоколе", даже оказывали влияние на действия правительства. По свидетельствам современников, "Колокол" читался всеми в России от сановников до гимназистов. Но стоило его редакции принять сторону восставших поляков, как его тиражи мгновенно упали.

Поддержка обществом правительства во время польского восстания 1863 г. характеризует, насколько необходимо выражение общественного мнения для осуществления принципа легитимности власти. Как только общественное мнение нашло выражение своей позиции в

"Русском вестнике" Каткова, "нигилисты" потеряли все свое влияние на русское общество. Сила общественного мнения встала на сторону правительства и "развязала" ему руки в выборе мер по подавлению восстания. Более того, именно под влиянием передовых статей Каткова правительство решилось применить жесткие действия для усмирения восставших поляков. Это ли не свидетельство того, что русское общество было готово встать на защиту своего государства от любых внешних угроз при условии соблюдения базовых прав и свобод, формирующих гражданское общество? Если бы Александр II, последовал примеру своего отца Николая I и наложил запрет на обсуждение политических событий в печати, неизвестно какую позицию заняло бы общество во время восстания 1863– г. при условии регулярного выхода "Колокола" Герцена, печатавшегося в независимой лондонской типографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кареев Н. И. Падение Польши в исторической литературе. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1888.
2. Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов. Из-во Огни: Петроград., 1915. С. 58.
3. Катков М. Н. Идеология охранительства. Институт русской цивилизации. М.: 2009 г. С. 296.
4. Катков М. Н. Собрание переводы статей "Московских ведомостей". 1863 год.– М.: Издание С. П. Катковой, 1897–1898. С. 146.
5. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина.– Т. 18.6– Спб.: Типография М. П. Стасюлевича, 1904.
6. Семенчук И. С. Зеркало Отечества нашего.– М.: Издательство Икар, 2003.
7. Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т. Л.: "Наука", 1988–1996. Т. 11
8. Достоевский Ф. М. Письма. Книга первая.– М.– Берлин: Директ-Медиа, 2015.
9. Гильфердинг А. Ф. "Россия и славянство".– Сост.: Лебедев С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009.
10. Катков М. Н. Проект польского восстания, подписанный Мерославским и найденный у графа Андрея Замойского.– [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_proekt_polskogo_vosstania.html.
11. Катков М. Н. Польское восстание не есть восстание, а восстание шляхты и духовенства.– [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskoe_vosstanie.html
12. Катков М. Н. О свободе совести и религиозной свободе.– [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_svob_sov.html
13. Катков М. Н. По поводу статьи роковой вопрос.– [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_po_povodu_statyi_rokovoy_vopros.html.
14. Катков М. Н. Польский вопрос.– Электронный ресурс [Режим доступа]: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html
15. Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность / Составление и комментарии С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://politconservatism.ru/upload/iblock/390/3901b5abfd514740ddc6dbce0bd68d2e.pdf>
16. Аксаков И. С. Статьи из газеты "День" (1863). Наш враг не Польша, а полонизм. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1863_nash_vrag_olderfo.shtml
17. Самарин Ю. Ф. Современный объем польского вопроса. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dugward.ru/library/alexandr2/samarin_polskiy_vop.html.
18. Страхов Н. Н. Роковой вопрос.– [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dugward.ru/library/strahov/strahov_rokovoy_vopros.html
19. Погодин М. П. Польский вопрос.– Электронный ресурс [Режим доступа]: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_polskiy_vopros.html